

Евгений Вертий

ДОЛЖЕН.

Ты живёшь по правилам,
которые не читал.

Д
ДО
ДОЛЖЕН
ДОЛ
ДО

Евгений Вертий

**Должен. Ты живёшь по
правилам, которые не читал**

«Автор»

2026

Вертий Е.

Должен. Ты живёшь по правилам, которые не читал / Е. Вертий —
«Автор», 2026

Ты подписал договор ещё до того, как научился читать. В нём пять условий. Их редко произносят вслух. Им учат словом, примером, ремнём, молчанием. Ты выполняешь их всю жизнь и уверен, что выбрал это сам. Первые страницы книги покажут, так ли это. Сергей поднял бизнес с нуля и получил всё, что хотел. Виктор двадцать лет тянет семью за рулём газели. Один на вершине, другой внизу — а внутри у обоих одно: чувство, что кем-то обманут. Эта книга не учит стать лучше или сильнее. Она показывает то, что мужчина носит в себе и не замечает до самой смерти. И почему увидеть это — единственный выход.

Содержание

Введение. Один из нас	5
Глава 1. Зарабатывай	8
Глава 2. Терпи	16
Г	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Евгений Вертий

Должен. Ты живёшь по правилам, которые не читал

Введение. Один из нас

Он не выходит из машины.

Двигатель выключен. Музыка тоже. Двадцать метров до дома. В окне горит тёплый свет и виден угол холодильника — там жена, дочери, ужин. До двери десять секунд. Он сидит девятую минуту, потом десятую. Руки висят на руле. Не курит, не листает телефон. Просто сидит.

Машина начинает остывать изнутри. Становится прохладно ногам, потом пальцам на руле. Он не включает печку. Сидит дальше.

Мимо проходит молодая пара. Парень бросает на него взгляд, наклоняется к девушке и говорит вполголоса. Она коротко оборачивается.

Он сидит и смотрит, как в свете фонаря то появляются, то исчезают ветви клёна, который он посадил тонким прутиком в день, когда родилась младшая. Дерево выросло. Дочь выросла.

У него внутри ничего. Не пусто, а именно «ничего». Только что-то собирается и давит в груди. «Устал, — решает он, — просто устал».

Если спросить его, что с ним, — он скажет: «Ничего». И это будет правдой, как он её понимает. Ничего особенного не произошло. На работе всё в порядке. Дома всё в порядке. Здоровье в порядке. Проблем нет. Ничего конкретного нет.

Если позвонит жена и спросит: «Ты где?» — он скажет: «Еду, встреча была». Это не будет правдой. Встречи не было. Да и жена перестала звонить.

Он не думает, почему не заходит в дом. Он не считает это проблемой и не ищет этому название.

Он думает: «Ещё минуту посижу и пойду». Он думает так уже пятнадцатую минуту.

Завтра он встанет в шесть, оденется в костюм, поедет в офис, проведёт день, вернётся в темноте. Возможно, он опять не выйдет из машины. Возможно, на этот раз выйдет. Это не критично.

И всё-таки прямо сейчас, в этот момент, он не выходит.

Он выйдет. Поужинает. Скажет: «Всё нормально». Ляжет спать.

У тебя это может быть иначе. Не обязательно — машина.

Может, ты начал гулять. По улицам. Один. Без цели. Когда ты идёшь — снаружи всё движется, а внутри замирает.

Может, по вечерам нужна пара рюмок. Не для вкуса и не для компании — для себя. Чтобы день отступил и стало тише. А тишина стала сном.

Может, каждая твоя минута занята: работа, встречи, новости, спорт. Ни секунды без дела. Ты замечаешь только паузы — короткие, пустые, в которых что-то подступает. И тут же хватаешься за телефон.

Может, среди веселья, разговоров и музыки ты на всё реагируешь правильно — улыбкой, словом, движением. Но с небольшим опозданием. И это опоздание, как провал, через который пока получается перешагнуть.

Декорации разные. Но если присмотреться — за ними одно. То, что надо заглушить, заполнить, отодвинуть. То, чему нельзя дать заговорить.

Потому что, если оно заговорит — придётся услышать вопрос, на который нет ответа. От него ты и уходишь, каждый день, всеми способами сразу. Не ты один. Все вокруг заняты тем же, будто каждому отдали приказ — не останавливаться.

У приказа есть имя.

Сделка.

Контракт, который ты заключил, не читая. Читать тогда ты ещё не умел. Подпись стоит. Условия приняты и добросовестно тобой выполняются.

Ты не помнишь, чтобы что-то подписывал. В этом и замысел.

Сделку принесли самые близкие. Отец, чьё одобрение было воздухом. Мама, чьи слова: «Ты мой защитник» — делали тебя выше ростом. Бабушка, которая, целуя сухими губами, говорила: «Вот мой добытчик».

Двор, где точно знали, кто сильный, а кто слабак. Девчонки, которые улыбались одним и не замечали других. Фильмы, где герой терпит, не сдаётся и в конце побеждает.

Зла тебе никто не желал. Они хотели, чтобы ты вырос настоящим мужчиной. Ты поверил и сделал выбор ещё до того, как узнал, что это такое. Только начал жить — и уже стал должен.

Взамен обещано то, что желает каждый.

Право быть кем-то. Кто решает. Кого выбирают. К кому возвращаются. Право на место в этом мире. Место, где больше никому ничего не надо доказывать.

И Сделка сказала: «Ты это получишь. Сила. Успех. Признание. Любовь. Покой. Всё будет твоё. По праву. Но сначала выполни условия. Не исполнишь — не мужчина».

Условий пять.

И мужчины их выполняют. С дисциплиной, какой нет в армии. С рвением, которого не знает религия.

Заключённый нарушает режим. Солдат ищет, где сачкануть. Сотрудник выходит покурить. Мужчина под Сделкой — никогда.

Двадцать лет. Тридцать. Сорок. День за днём, без выходных и больничных. До конца — своего или Сделки.

Ты платишь собой. Давишь радость. Откладываешь жизнь и людей на потом, чтобы наконец получить обещанное.

Но у Сделки для тебя только два приговора: победитель и неудачник.

Один взял всё и не хочет ничего, кроме ответа на вопрос: «Где обещанное?» Другой не взял ничего и глушит стыд. Разные концы одной дороги. Оба — тупик.

Большинство из нас бежит или бредёт в один из них. Я успел побывать в обоих и на этом пути встретил каждого, кого знаю.

Здесь их истории. И моя.

Эта книга не учит стать кем-то новым. Она не про то, как «стать». Она про то, как увидеть.

Если ты не помнишь, что выбирал правила, по которым живёшь, — книга об этом.

Не освобождение. Не выход. Сдвиг.

С него начинается всё остальное.

Глава 1. Зарабатывай

Виктор стоит на кухне, прижавшись лбом к холодному стеклу окна. В ладонях тёплая, но уже пустая чашка. За окном — двор. Единственный фонарь тускло освещает кривые мусорные баки. Ноябрьская темнота в шесть вечера. Слышно, как в квартире сверху опять двигают мебель. Рывками.

— Пап.

Виктор вздрагивает, выпрямляется и не оборачивается. Он не услышал, как вошёл сын.

— Что, Матвей.

— Дай пять тысяч.

Виктор оборачивается. Матвей стоит в проёме — худой, босиком, в мятой футболке. Телефон в руке.

— На что?

— Надо.

— На что надо?

— Просто надо, пап.

Виктор молчит. Смотрит. Между ними — три метра кухни и тридцать три года. Он знает, что должен спросить ещё раз и это станет началом разговора, который он сейчас не хочет.

Жена позавчера говорила, подойдя близко, почти шёпотом, хотя Матвея не было дома: «Он ставки какие-то делает. Говорит — это спорт». Она сказала «спорт» так, будто это слово обожгло ей рот.

— На спорт? — спрашивает Виктор. И аккуратно ставит чашку на подоконник, освобождая руки.

— Чего?

— Ставки?

Взгляд Матвея упирается в глаза отца, отскакивает и начинает бегать по комнате. Лицо меняется на секунду, как бывает, когда человек не успевает спрятать.

— Это не ставки. Это аналитика. Там процент.

— Какой процент?

— Семьдесят два.

Матвей опускает глаза и перекладывает телефон в другую руку.

— Семьдесят два процента?

— На длинной дистанции.

Виктор смотрит на сына и пытается увидеть себя в восемнадцать. Не похож. Тот был коренастый, плотный, уже работал на пилораме. Этот — лёгкий, с длинной шеей, молоток в его руке выглядел бы случайностью. И всё равно — есть в сыне что-то от него. Что-то он передал.

— Слушай меня, — говорит Виктор. Тихо. Не повышая. — Никаких ставок. Никакой аналитики. Завтра идёшь по объявлениям. Грузчиком, в магазин, куда угодно. Сидеть на жопе и щёлкать кнопки — это не работа.

— Я ищу.

— Ты не ищешь. Ты в телефоне.

— Пап, ты не понимаешь.

— Я всё понимаю. Соберись. Хватит. Мужик должен зарабатывать. Не приносишь — не мужчина.

Матвей замирает. Глаза застыли на отце, лицо меняется и больше не прячется.

И тут Виктор слышит свои слова со стороны — как чужие. На мгновение в шее становится холодно. Он не понимает, откуда сквозит. Форточка закрыта.

Сын отводит глаза, резко тянет носом, сглатывает. Виктор наблюдает, как кадык уходит высоко вверх, а потом с размаху ударяет о ворот футболки. Матвей молча разворачивается и идёт обратно в свою комнату.

Слышно, как закрылась дверь. Не хлопнула. Тихо закрылась.

Виктор отворачивается к окну. Чашка на подоконнике стала холодной. Он не помнит, как её туда поставил. За окном — двор. Сверху рывками двигают мебель.

Эта же кухня. Эта же квартира. Сорок семь лет назад.

Маленький Витя выбежал из кухни и стоит в коридоре перед открытой дверью в тёмный подъезд. Ему четыре. На нём растянутые колготки и пушистый свитер, связанный бабушкой.

Отец только что вошёл. Он огромный. Его спецовка с чёрными пятнами на рукавах пахнет, как ржавые качели во дворе после дождя. И на ошупь она такая же.

В руке у отца белый конверт.

— Маш, — говорит отец, закрывая дверь.

Он не смотрит на Витю.

Мама выглядывает из кухни. Она в платье и ярком фартуке, на руках светлые пятна от муки. Отец, не разуваясь, проходит на кухню и молча кладёт конверт на середину стола.

Мама быстро вытирает руки о фартук, берёт конверт, открывает и достаёт деньги. Считает. Купюры свежие, синие и красные. Считает второй раз — в тишине слышен шелест бумаги. Поднимает глаза на отца. Широко улыбается. Кивает.

Отец внимательно смотрит на улыбку мамы. И его жёсткое лицо разрезают морщины ответной улыбки.

Витя остановился в проёме и наблюдает. Он не понимает, зачем считают и почему это важно, но видит, что важно.

Отец смотрит на маму. Мама смотрит на деньги. Отец перестаёт улыбаться, опускает глаза и видит Витю.

— Сын.

Витя подходит. Что-то мешает ему попроситься на руки, как обычно.

— Видел, как мать считала?

— Видел.

— Запомни. Принёс — посчитали — кивнули. Это и есть настоящий мужик. Понял?

Отец кладёт ладонь ему на голову. Ладонь тяжёлая, она давит, заставляет смотреть в пол и закрывает от Вити всё вокруг. Витя стоит, не двигаясь. Он чувствует, что нельзя пошевелиться, пока ладонь не уберут.

Подпись поставлена.

Витя не умеет читать. Через год научится. Сделка уже заключена.

Это первое условие Сделки. Зарабатывай. Приноси. Обеспечивай.

Не приносишь — не мужчина. Не половина мужчины, не часть, не «пока что». Никто.

Пятница. Сергей сидит в своём кабинете. На часах десять вечера. В офисе давно никого нет, только дежурный свет и шёпот вентиляции. На столе — открытый ноутбук, на экране

— коммерческое предложение для контрагента из Тюмени. Очень крупный жилой комплекс. Поставка облицовочного кирпича, гипсокартона, утеплителя — всего 58 позиций. Большой клиент.

Он ведёт его сам. КП можно было править в понедельник. Сергей правит его сейчас.

Он проверяет восьмой лист уже в третий раз. На листе — товарные позиции и цены. Цены он знает наизусть, он не правит цены. Он правит шрифт в примечаниях к таблице — Calibri десятый или Calibri одиннадцатый. Уже минут десять. Меняет. Смотрит. Снова меняет.

В углу экрана мигает иконка чата. Не открывает.

Раньше он любил эти ночи. Тогда был азарт — собирать документ как план атаки, ловить конкурентов на цене, считать маржу, отрабатывать возражения. Тогда он преследовал добычу.

Сейчас он не помнит, когда в последний раз чувствовал в этом хоть что-то живое. Где-то между четвёртым и пятым десятком всё, что было живым, превратилось в маршрут, который он знает наизусть. Азарт стёрся, как надпись на клавише, по которой бьют годами.

Он откидывается, поворачивает голову, смотрит в окно сквозь своё отражение в стекле. Сорок первый этаж. Екатеринбург ночью. Фонари вдоль Малышева, чёрная Исеть, дальше — окраины, заводы, лес. Всё уходит в темноту.

Сергей возвращается к КП. Меняет Calibri десятый на Calibri одиннадцатый. Смотрит. Меняет обратно.

Бросает взгляд на шкаф в углу — отводит глаза, начинает покачиваться в кресле, задумчиво скребёт подбородок. Потом одним движением встаёт, подходит к шкафу и наливает виски.

Возвращается за стол с бокалом. Делает глоток. Морщится.

Думает: «Пиво бы».

Думает: «Домой пора».

Думает: «Ещё пару минут».

Делает большой глоток. Уже нормально.

Думает про дочерей — старшая в Петербурге, в Бонче, у неё через месяц сессия, надо позвонить.

Младшая в Швейцарии. Ей семнадцать. Неделю назад прислала фотографию с подъёмника в Церматте. Он ответил: «Красиво». Она ничего не ответила. Больше фотографий не было.

Думает: «Младшей завтра позвоню».

Думает: «Тогда уж и старшей».

Думает: «Завтра суббота, точно позвоню».

Открывает чат с друзьями. Проматывает до последнего сообщения. Бывший партнёр выложил фотографию со своей яхты в Турции. Сергей увеличивает фотографию, рассматривает корму, штурвал, улыбающееся лицо. Закрывает чат. Открывает чат. Он пытается нащупать в себе хоть какую-то реакцию — радость, зависть, злость. Закрывает чат.

Возвращается к таблице.

Зарабатывай — не как условие. Как движение, которое не может остановиться, потому что остановка — это то, чего нельзя.

Если бы Сергея заставляли — он бы сопротивлялся. Его никто не заставляет.

Жена ушла три года назад, тихо, без скандала, всё обговорили как взрослые. Как чужие. Дочери на содержании, ни на чём не настаивают. Партнёры довольны. Налоговая довольна. Тренер в зале доволен.

И всё-таки в десять вечера он один в офисе и не уходит.

В дверь стучат.

Сергей вздрагивает. Он не слышал, как кто-то прошёл по коридору. Смотрит на бокал с тонкой полоской виски, убирает в стол.

— Войдите.

Заходит Илья. Ему двадцать четыре, второй год в компании, менеджер по продажам, челябинское направление. В мятой рубашке. Под глазами тени, которые Сергей замечает впервые.

— Сергей Петрович, я увидел свет, думал, никого. Доверенность забыл подписать. Можно?

— Давай.

Илья кладёт два листа на стол. Сергей подписывает, не читая, он знает, что там. Илья берёт листы. Не уходит. Стоит.

— Что-то ещё.

— Я... можно вопрос. Это по следующей неделе. У меня сын родился во вторник.

— Поздравляю. Кто?

— Мальчик.

Сергей берёт со стола ручку. Кладёт на то же место. Кивает. Смотрит на ручку.

— Спасибо. Он такой... — Илья замолкает. — У меня там в графике три встречи в Копейске со среды. Я подумал, может, можно...

— Что?

— Перенести на неделю.

Сергей перестаёт смотреть на ручку и смотрит на Илью. На мятую рубашку, на тени под глазами, на подрагивающие листы бумаги в руке.

Сергею хочется сказать: «У тебя сын родился — наследник. Конечно, перенеси». Хочется сказать: «У меня самого две дочки, я помню эти первые недели». Хочется сказать: «Ты побудь с ним побольше — потом не нагонишь». Всё это есть у него внутри.

Он говорит:

— Илья. Слушай. Я тебя понимаю, но смотри, когда у меня старшая родилась, я через два дня улетел в Омск, на переговоры. Две недели там сидел. Жена тогда плакала. Сейчас старшая в институте, всё нормально. Дети растут одинаково, рядом ты или в командировке. А эти переговоры — это серьёзно. Это твоё лицо в отрасли и твоё будущее. Соберись. Надо ехать. Вернёшься, возьмёшь денёк, побудешь дома. Договорились?

Илья кивает сразу, но отвечает с заминкой. Негромко.

— Да, хорошо.

— Молодец.

Илья выходит. Сергей сидит. Чувствует — что-то неприятное, холодное, как сквозняк. Не понимает, что именно. Достает бокал, допивает виски.

Через минуту забывает.

У Сергея нет сына. По крови Сделку передавать некому. Илья оказался ближе всех.

Это не значит, что Сергей должен был отпустить Илью к ребёнку, а Виктор — сделать что-то другое. Не в этом дело.

Это значит, что они не различили, чей голос звучал в тот момент. Если бы различили — могли бы сами решать, какой ответ дать. Но ответ дала Сделка. Вместо них.

Суббота. Семь утра. Вчера перед сном Сергей отключил будильник. Дом за городом, утренний свет в спальне, лёгкий гул тишины в ушах.

Он лежит на спине, глаза смотрят в потолок — ровная, матовая гладь. Сергей чувствует, что уже давно не моргал, что медленно дышит ртом и что внутри — спокойно. Кончики пальцев правой руки начинают гладить ткань простыни.

Думает: «Сегодня — не работаю».

Это решение он принял в четверг: «Так нельзя. У всех нормальных людей суббота — это суббота. А у меня — шестой рабочий день».

Сегодня — не работаю.

Он встаёт. Не торопясь, варит кофе. Открывает дверь на террасу — волна холода накапывает по ногам. Ноябрь.

В саду ландшафтный дизайн проиграл осени. Только клён Гиннала ещё согревает багровым цветом дальний угол участка. Сергей не помнит, когда подходил к нему в последний раз. Кажется, при жене.

Накидывает куртку, берёт кружку, выходит, садится. Отхлёбывает.

Тихо.

Через пять минут — слишком тихо. Он возвращается в дом, включает телевизор фоном, не слушая. Берёт книгу с полки — ту, что подарил коллега на день рождения, что-то про дзен и долгожителей Окинавы.

Открывает на закладке. Читает абзац. Не помнит, что прочёл. Закрывает.

Восемь утра. Он берёт ноутбук — «только почту гляну, ничего такого, просто проверю».

В почте — письмо от Ильи, отправлено в шесть сорок утра: «Сергей Петрович, поговорил с женой, еду по графику, всё успею».

В груди коротко теплеет: «Молодец, услышал». Открывает коммерческое — проверить цены. Открывает калькуляцию. Открывает чат с подрядчиком.

В два часа дня он по-прежнему за ноутбуком. Книгу про дзен он больше не открывал.

Через час Сергей замечает, что рука лежит на телефоне. Открывает контакты, прокручивает к имени младшей дочери. Швейцария. Семнадцать лет.

Он держит телефон. Смотрит на палец над её именем.

Думает: «Что сказать?»

Думает: «Как дела? Как горы?»

И слышит весь разговор наперёд. Он спросит — она начнёт рассказывать. Он скажет: «Ух ты». Потом: «Да ну». Потом: «Ага». Минут десять. В конце: «Звони, если что». Положит трубку.

Думает: «Во вторник переговоры с Тюменью, в среду Илья, в четверг дожать подрядчика».

Думает: «Вечером. Вечером позвоню. Точно».

Кладёт телефон. Возвращается к таблице.

Принёс — посчитали — кивнуть некому.

Глава 2. Терпи

С приятным механическим выдохом кресло откидывается назад. Яркий свет лампы направлен в сторону и не мешает. Пахнет цветами и стерильным металлом. Тихая музыка. Сергей двигает ногами, удобно устраивается и закрывает глаза.

Два раза в год, по графику: терапевт, кардиолог, стоматолог. Тело Сергей держит в порядке — бег по утрам, фитнес, питание, диагностика. За этим он следит. Обслуживает.

Стоматолог постукивает зеркальцем по его зубам, останавливается. Отъезжает на стуле, разворачивает к Сергею монитор.

— Посмотрите. Жевательные.

На экране — его собственные зубы, крупно. Там, где должны быть бугры, гладкие плоскости, будто прошлись наждачкой.

— Сжимаете по ночам. Стачиваете. За полгода ушло заметно. — Врач говорит буднично. — Бруксизм. Обычно от нагрузки.

— Хм.

— Нервничаете в последнее время?

Утром позвонили: ночью умер Гусев. Инфаркт, во сне. Пятьдесят два года. Свой первый цех Сергей арендовал в его помещении. В четверг они сидели рядом на встрече в администрации — Гусев смеялся и рассказывал про новый склад под Пышмой.

Гусев следил за собой. Всё как у Сергея. Не помогло.

Он смотрит сквозь стоматолога. Мышцы шеи деревенеют и колючими упираются в затылок, как утром после звонка. Кресло перестаёт быть удобным. Лицо остаётся ровным.

— Нет, — говорит Сергей. — Всё нормально.

— Точно? С утра челюсти не сводит, головная боль?

— Нормально. — Сергей двигает шеей, садится прямее. — Что с этим делать?

Стоматолог смотрит на него секунду дольше, чем нужно. Потом кивает, не настаивает. Через это кресло прошло немало таких. Они всегда отвечают: «Нормально» — даже когда крошатся зубы. Он к этому привык. Эти проблемы решаются в другом кабинете или не решаются. Он выписывает силиконовую капу на ночь, объясняет, как носить.

Сергей кивает, берёт коробку, расплачивается, выходит к машине. Снова замечает шею. Двигает головой. Проводит языком по зубам. К шее он привык, что делать с зубами, он пока не знает — для него это новость.

В кабинете стоматолога голос Сергея два раза повторил: «Нормально». Его зубы говорили другое. Он снова поверил голосу.

У Сергея осталось два состояния. Первое — вот это: ровная нейтральность, как поверхность воды, которой давно ничего не касалось. Ни снаружи, ни изнутри. Второе — короткий холодный гнев, который быстро гаснет.

Между этими двумя — пусто. Туда давно ничего не приходит. Грусть, если ей положено было прийти, приходит как лёгкое раздражение. Страх — как собранность. Тревога — как зуд: надо что-то делать, неважно что.

Всё живое, что есть между гневом и пустотой, — заперто. Оно никуда не делось — его задавили в тело. Оно копится там. Нарастает. Ждёт.

Сорок два года назад. Двор пятиэтажки. Лето. Серёже пять лет.

Велосипед «Орлёнок», тяжёлый, большой — взяли ему на вырост. Папа сказал: «Мужской аппарат». С того момента Серёжа больше не прикасался к своему «Дружку» с третьим колесом.

До нижней педали «Орлёнка» Серёжа достаёт только носком, приходится тянуться и переваливаться с одного бока на другой. Он разгоняется по асфальту к шестому подъезду, туда, где папа чинит машину.

Очень хочется, чтобы папа его видел, как он может, как он быстро едет. Серёжа большими глазами смотрит на широкую спину отца, стоящего перед поднятым капотом «копейки» и что-то тщательно протирающего тряпкой. Он набирает полную грудь воздуха и первое «па...» в слове «папа» разносится по летнему двору звонким эхом.

Переднее колесо ловит камень. Руль выворачивает. Серёжа летит через раму. Ладони скользят по траве газона. Правое колено бороздит асфальт, левое — рыхлую землю.

Долю секунды ничего нет, только мутная рябь в голове. Сквозь неё Серёжа видит своё разодранное колено. Глубокие борозды, в которые забились грязь и мелкие камешки. Из-под грязи густо проступает кровь.

Он не помнит, как снова набирает полную грудь воздуха. Серёжа кричит то же самое слово. На весь двор. Из всех сил. Ему больно, страшно и нужно, чтобы пришли.

У «копейки» отец слышит шум падения и крик. Он поворачивается и видит велосипед, криво лежащий на боку, потом — сына, замершего на газоне. Видит его глаза, распахнутые страхом, искривлённый болью рот с тонкими ниточками слюней.

Он идёт к сыну. Не спеша. Вытирая руки тряпкой. Подходит. Смотрит на колено. Смотрит на лицо Серёжи.

И Серёжа, уже набравший воздух для очередного крика, вдруг не может выдохнуть. Воздух застревает пробкой. То, что сейчас сделает папа, гораздо важнее его боли и страха. Этому нельзя мешать.

Отец садится на корточки. Близко. Тряпка в его руке случайно касается окровавленного колена.

Серёжа застывает и глубоко дышит широко открытым ртом. Последние слёзы выкатываются из глаз, прикованных к лицу отца.

Отец кладёт руку на плечо. Сжимает. И коротко улыбается. Так встречают своих.

— Молодец. Мужики не плачут.

Поднимается. Протягивает руку. Открытая ладонь отца — вся в жёстких буграх и чёрных линиях — смыкается на тонких пальцах сына. Серёжа не замечает, как оказывается на ногах. Он замечает, как отец отворачивается и идёт обратно к машине.

Серёжа стоит один посреди двора. Колено горит так, что в темнеет глазах. Серёжа не кричит. Не плачет.

Он переступает с одной ноги на другую — раз, другой, — чтобы боль растеклась по телу и в колене стало потише. Так чуть легче.

Тело только что выучило новое правило: если выпускать нельзя — распредели и держи.

Подпись поставлена. Серёже пять. Читать он только учится. Но это условие Сделки он уже знает наизусть.

После стоматолога Сергей решил не возвращаться на работу и сразу поехал за город. Дом, три этажа, рядом река. Три года назад из него ушла Марина. Забрала с собой привычные звуки и оставила тишину.

На кухне Сергей открывает шкаф, берёт бутылку виски, садится за стол, наливает. Делает большой глоток, смотрит в одну точку. Ждёт. Раньше после первого глотка сразу становилось ровнее, теплее. Лишнее отступало. Сейчас не отступает ничего. Делает второй. Ждёт. То же самое. Смотрит на бутылку.

Тихо. Так же тихо, как было за этим столом тогда.

За год до ухода Марина села напротив. Он работал. Она сказала после паузы:

— Серёж. У меня к тебе вопрос.

Он ответил, не отрывая глаз от экрана ноутбука:

— Срочно? О чём?

Она молчала. Он чувствовал её глаза, её ожидание и продолжал печатать.

— Неважно. Потом.

«Потом» не настало. Она не вернулась к вопросу ни через неделю, ни через месяц, ни перед тем, как уйти.

Сейчас, глядя на пустой стул, Сергей пробует представить, что она хотела спросить. Перебирает и не может найти. Он не забыл. Чтобы найти, сначала надо увидеть, а он не видит — ни тогда, ни сейчас.

В начале знакомства он говорил: много, ярко, увлекательно. Слушал её до самого утра. Они смеялись, держались за руки. В это Марина и влюбилась. Потом год за годом слов становилось всё меньше, а быта в них всё больше. Она выходила замуж за того, кто хотел говорить и слушать, а жила с тем, кто отвечал «о чём», не поднимая глаз.

Марина не знала об этом, но в первый же месяц знакомства она зашла с Сергеем на ту глубину чувств, на какую он был способен. Она думала, что это глубокое море, и ждала, что однажды они нырнут. Нырять было некуда: она достала до дна в самом начале.

И всё равно она тянулась к нему. Но однажды перестала и не заметила разницы.

Три года назад Марина ушла. Тишина, которая тогда повисла над этим столом, с тех пор стоит во всём доме.

Виктор в кабине. Газель с перегрузом — две паллеты облицовочного кирпича к семи утра должны быть в Тагиле. Темно. Трасса пустая, фары выхватывают мокрый асфальт и лохматую обочину. Радио он выключил час назад.

В голове — рваная разделительная полоса мыслей:

— До Тагила двести. Загрузку бы взять. Перекус после Ляли. — Бак половина. Обратно впритык. — Пять рублей заправиться. До аванса нет. — За рейс восемь. За срыв минус половина. — Обойдусь без перекуса.

В правом боку тянет третий месяц, отдаёт в поясницу на каждой кочке. Виктор знает, что надо бы к врачу, и знает, что не пойдёт. Встанет он, встанет газель. Встанет всё.

Телефон на торпеде дрожит и ползёт. Он слегка сбрасывает скорость. В это время не звонят. Жена. Таня. Берёт.

— Вить. Маму твою в больницу увезли. Сердце. В реанимации пока.

Связь рвётся. Он съезжает на обочину. Останавливается. Перезванивает.

Таня повторяет — спокойно, она умеет, медсестрой работает: «Сердце, бригада быстро забрала, в реанимации сейчас, состояние пока сложно сказать, дежурный кардиолог мой знакомый, обещал лично глянуть».

— Понял, — говорит Виктор. — Понял. Груз довезу и сразу к ней.

— Может, развернёшься?

— Не разгрузившись — нельзя. К семи ждут. Довезу и сразу.

Молчание в трубке. Таня не спорит. Она тоже знает: доставку срывать нельзя, за срыв вычтут, кредит через неделю. Она молчит и в этом молчании — всё, что она сейчас может.

— Ты сама-то спать ложись, — говорит Виктор. — В больнице же. Подлатают.

Кладёт телефон обратно на торпеду.

Нога сама уходит с тормоза, рука втыкает передачу. Газель выкатывается обратно на трассу. До Тагила двести, разгрузка в семь, обратно триста, потом больница.

Виктор начинает считать, во сколько будет у матери. И в этом счёте ему легче, чем в той секунде, когда Таня сказала «сердце».

Голова не знает, куда деть «сердце». А куда деть километры — знает. И кладёт туда.

В правом боку тянет — резче обычного. Боль смыкается в острое лезвие. Виктор начинает медленно и неглубоко дышать, вытянув губы. Отпускает. Он едет.

«В больнице же. Подлатают». Эту фразу он повторяет каждый километр до Тагила. Не замечая. Она удобная, она разрешает не разворачиваться.

Трасса, словно мышца, ритмично напрягается обгонами и расслабляется пустыми участками. В голове снова пульсирует сводка: километры, бензин, адреса, рубли.

Новость про сердце уже легла в этот ряд, между топливом и километражом. И оттуда не поднимается. За всю дорогу мама ни разу не встала перед ним как мама — только точка на карте, куда он подъедет после разгрузки.

Так ехать можно. По-другому он не умеет.

Не доезжая до Тагила, Виктор сворачивает на заправку. Три фуры на стоянке, у одной провис тент. Останавливается в дальнем углу, глушит двигатель.

Машина щёлкает, остывая. Слышно ветер, слышно трассу, слышно собственное дыхание. Пока ехал — не было слышно.

На приборной панели горит время: 5:17.

Он смотрит в темноту за стеклом. Мать в реанимации. Он сидит на заправке, в трёхстах километрах.

Между двумя этими фактами нет того, что Виктор мог бы почувствовать. Глаза сухие. Никакого позыва — ни заплакать, ни позвонить, ни развернуться. Он по привычке начинает искать, что посчитать — километры, минуты, деньги, — но считать нечего. Он всё посчитал.

Пошёл снег — мягкий, сухой. Ложится на ещё тёплое лобовое стекло. Тает, сползает каплями. На холодных краях, там, где не хватает тепла, не тает. Остаётся. Собирается.

Кабина остывает. Уплотнитель двери с тонким свистом пропускает ледяной ветер. Пальцы начинает покалывать. Он не заводит, не включает печку. Сидит.

На том месте, где у другого был бы крик, у Виктора — ничего.

Почти ничего.

Один раз за эту ночь что-то поднимается изнутри к горлу — быстро, тугим комом, непонятное. Застревает. Виктор судорожно перехватывает руль липкими ладонями, вытягивает шею, задирает подбородок. Сглатывает. Глубоко, помогая всем телом, как глотают, чтобы не вырвало.

То, что поднималось, уходит обратно вниз, оседает в животе. В правом боку. Лицо возвращается как было. Через пару дыханий всё ровно.

Он сидит. Снег ложится на стекло и стекает каплями, ложится и копится. Сколько он так сидит — не считает. Забыл. Потом поворачивает ключ, заводит, выезжает на трассу. Тагил близко, разгрузка в семь, назад триста, потом больница. У матери — к обеду.

То, чему запрещён выход через слова и эмоции, мужчина переводит в действия. Смятение идёт в задачи, тяжесть — в график, горе — в логистику.

Виктор всю ночь держит руль, а руль держит его.

Со стороны похоже на силу: человек, которого ничто не валит, в самый трудный час собран и занят.

Внутри — это не сила. Это единственное оставшееся место, куда мужчина под Сделкой может деть то, для чего нет слов.

Поздно вечером. Сергей снова берёт телефон, открывает контакты, доходит до младшей. Палец над именем.

Думает: «Что сказать?»

И в этот раз, за секунду до касания экрана, он ловит не мысль даже — оторопь. Пытается вспомнить, когда в последний раз говорил кому-нибудь из близких что-то, кроме дела или заготовок. Не «ага», не «сколько нужно?», не «звони, если что». Что-нибудь своё, живое: дочери, Марине, друзьям. Кому угодно.

И не может вспомнить. Не потому, что было давно, а потому, что, кажется, такого не было вовсе.

Серёжа в пять лет не закричал. Переступил с ноги на ногу и удержал.

Сорок два года спустя держать уже не нужно. Голос, которым говорят то, что внутри, — недоступен. Слова для этого забрали давно. Раньше, чем он научился читать.

Это второе условие Сделки. Терпи. Не выпускай. Не жалуйся. Сжимай зубы.

Сергей откладывает телефон, смотрит на коробку с капой — той, что нужна, чтобы по ночам не стирать зубы. Медленным движением убирает её в ящик стола. Слушает, как щёлкает механизм доводчика.

То, что он сегодня не выпустил, не делось никуда. Оно осталось в нём. Ждёт, когда он уснёт.

Завтра в шесть он встанет, пробежит свои километры, проведёт совещания, закроет задачи, и в этом движении оно его не догонит.

До вечера.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.